

РЕЦЕНЗИИ

УДК 1 (091)

В ЛАБИРИНТЕ КОНТЕКСТОВ

Рецензия на книгу: *Философия и ее история. Дискуссии: учебное пособие / Составление, вводная статья, перевод и комментарии М. Н. Вольф. Новосибирск, 2021. 239 с.*

А. А. Санжеников

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)

sanzhenakov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается сборник переводных статей по методологии истории философии. Сначала предлагается краткий пересказ всех статей, а в заключении дается оценка их содержания. Рецензируемая книга позволяет не только ознакомиться с некоторыми концепциями и рекомендациями по истории философии, но и делает очевидным тот факт, что существование и развитие философии без пристального и серьезного внимания к ее прошлому невозможны. Также в заключении автор рецензии предлагает понимать историко-философское исследование в коммуникативном ключе.

Ключевые слова: история философии, методология, историография, исторический контекст, интерпретация, научный прогресс.

Для цитирования: Санжеников, А. А. (2021). В лабиринте контекстов. Рецензия на книгу: *Философия и ее история. Дискуссии. Составление, вводная статья, перевод и комментарии М. Н. Вольф. Новосибирск, 2021. 239 с. Respublica Literaria. Т. 2. № 4. С. 144-154. DOI:10.47850/RL.2021.2.4.144-154.*

IN A LABYRINTH OF CONTEXTS

Book Review: *Philosophy and Its History. Discussions: Textbook / editor, introduction, translation and comments by M. N. Volf. Novosibirsk, 2021. 239 p.*

A. A. Sanzhenakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)

sanzhenakov@gmail.com

Abstract. The article considers a collection of translated articles on the methodology of the history of philosophy. First, the author of the review offers a brief retelling of all articles and in the conclusion evaluates their content. The reviewed collection allows not only to some concepts and recommendations on the history of philosophy, but also makes it obvious that the existence and development of philosophy without close and serious attention to its past is impossible. In conclusion, the author of the review proposes to understand the history of philosophy as communication.

Keywords: history of philosophy, methodology, historiography, historical context, interpretation, scientific progress.

For citation: Sanzhenakov, A. A. (2021). In a Labyrinth of Contexts. Book Review: Philosophy and Its History. Discussions: Textbook / editor, introduction, translation and comments by M. N. Volf. Novosibirsk, 2021. 239 p. *Respublica Literaria*. Vol. 2. no. 4. pp. 144-154. DOI:10.47850/RL.2021.2.4.144-154.

Введение

Известно, что естественная наука с легкостью и поспешно забывает о собственных ошибках, оставляя их в прошлом, и старается сосредоточиться на актуальном положении дел. Философия, напротив, с большим трудом расстается с концепциями из прошлого, вероятно, потому что философы не ставят знак равенства между тем, что было давно и заведомо неверным. История философии как особый раздел философского знания находится в особенно сложном положении. Когда Хайдеггер ставит вопрос о бытии вслед за Платоном и Аристотелем, отмечая, что эти предшественники уже проделали некоторую работу, которую надо продолжить, это не удивляет никого. Но когда каждое новое поколение историков философии снова и снова реконструирует платоновскую диалектику или аподиктическое знание по Аристотелю, то это уже вызывает некоторые вопросы. Нет ли здесь признаков коллективного расстройств обсессивно-компульсивного характера? Возможно, стоит провести курс «лечения», который избавит нас от необходимости заикливаться на одном и том же. Если размышления о методологии истории философии не являются таким курсом, то как минимум могут считаться пролегоменами к таковому.

На протяжении последнего столетия дискуссии об истории философии велись в довольно активном режиме. Одним из итогов этих обсуждений стало заключение, что в целом философия, как оказалось, вполне может обойтись без своей истории. Однако прежде чем закрывать кафедры истории философии, надо еще раз подвести итоги. Быстро и качественно это можно сделать, открыв собрание переводных статей под редакцией д. филос. наук М. Н. Вольф. В предисловии редактор обосновывает появление сборника таким образом: «Задача настоящей книги заключается в том, чтобы отразить те саморефлективные процессы, которые происходили в глубинах преимущественно англоязычной истории философии XX века, и которые позволили истории философии не только сохранить свою автономию по отношению к философии, но и для самой себя обозначить и осмыслить те сложности, которые не позволили ей оставаться на прежних исследовательских позициях» [Философия и ее история, 2021, с. 6]. Далее мы кратко рассмотрим содержание всех статей, а в заключении предложим свою оценку.

Майкл Фреде (1940–2007) о веере историй и неустрашимости исторического контекста

Первая статья «Изучение античной философии» М. Фреде доказывает, что в идеале мы должны понимать позицию философа прошлого внеконтекстуально, но такая степень идеализации просто невозможна и в конечном итоге нам надо знать контекст, чтобы обнаружить основания, благодаря которым философ занимал свою позицию.

Фреде различает два способа понимания – философский и исторический. Когда мы задаемся вопросом о том, верна ли та или иная позиция или нет, и при этом игнорируем тот факт, что этой позиции действительно придерживались, то мы движемся в рамках философского подхода. Историческая же перспектива высвечивает ту или иную точку зрения с персональной перспективы – нам становится важно, что определенный человек придерживался этой позиции в определенных условиях. Но в любом случае, когда мы пытаемся объяснить позицию философа, мы ищем «вескую причину», по которой этот философ придерживался своих взглядов. «Одна из причин, по которой мы так тщательно изучаем мысли великих философов, заключаются, по-видимому, именно в том, что мы верим, что во многих случаях у них были веские причины говорить то, что они говорили, хотя из-за ограниченности нашего понимания мы не сразу это понимаем. Эти ограничения – одна из тех вещей, которые мы надеемся устранить, изучая великих философов прошлого» [Там же, с. 16-17]. Напрашивается аналогия с обучением игре в шахматы. Изучение партий, сыгранных гроссмейстерами, является неотъемлемой частью обучения, и зачастую новичок далеко не сразу понимает, с какой целью великий шахматист прошлого сделал тот или иной ход, и только спустя много ходов «необычные» ходы проясняются. Выстраивание «набора допущений и цепочек рассуждений» в историко-философском исследовании – это тоже своего рода попытка прояснить «необычный» ход, т. е. позицию, которую занимал философ прошлого, и которую мы бы сейчас сочли неадекватной. Если в шахматах смысл предыдущих ходов раскрывается в конце миттельшпиля или начале эндшпиля, то историк философии находит свой спасательный круг в историческом контексте: «Однако в другом случае никакого такого объяснения быть не может. Как бы мы ни старались, мы не найдем набора допущений и линии философской аргументации, которые нам было бы легко принять и которые бы объясняли, почему философ считал свои плохие причины хорошими причинами. Именно в этих случаях мы думаем, что должны обратиться к некоему историческому контексту, изнутри которого мы можем объяснить, почему философ придерживался этой точки зрения» [Там же, с. 18]. Хотя Фреде явным образом характеризует такой способ объяснения как крайний, – «только в случае неудачи историк философии прибегнет к историческому объяснению в терминах истории философии» [Там же, с. 22], – последующее чтение статьи наводит на мысль, что история философии – заведомо гибельное предприятие в том смысле, что мы почти никогда не можем объяснить экзотические взгляды философов прошлого исключительно из философского понимания и без обращения к контексту. Все усложняется еще тем обстоятельством, что история философии не является единственной историей, и поэтому исторический контекст многослоен. Так, очевидным образом, религиозные убеждения философа и его современников могут влиять на философские идеи, для которых историк философии безуспешно ищет эксклюзивно философское объяснение, в то время как необходимо дополнительное обращение к истории религии. «Это выглядит так, что философы, которые играют решающую роль в истории философии, – это в основном те, чьи мысли мы можем объяснить, не обращаясь к какой-либо другой истории. Но как бы узко мы ни воспринимали историю философии, все же оказывается, что некоторые мысли,

с которыми она имеет дело, придется понимать в терминах какой-то другой истории» [Там же, с. 24-25]. Поскольку существует множество способов, через которые «другие истории» вмешиваются в историю философии, а также поскольку чистая история философии «предполагает огромный уровень абстракции и идеализации», постольку нам приходится иметь дело с историческим контекстом. Философия в таком случае становится автобиографичной [Там же, с. 27], а ее идеи укореняются в социальных институтах [Там же]. Однако, предупреждает нас Фреде, это не значит, что нам следует отказаться от поиска философских оснований позиций изучаемых философов, иначе мы проявим пренебрежение интеллектуальной мощью некоторых философов. Скорее следует просто помнить, что существуют разные истории (например, медицины, грамматики), а история философии испытывает их влияние на себе и сама влияет на них. Поэтому заключительным призывом Фреде будет тот, что нам следует «всматриваться во все истории», где проявляют себя древние философы, чтобы лучше понять дело философа.

Ричард Уотсон (1931–2019) об интерпретационной архитектонике и пределах формализма

В своей статье Уотсон сосредоточился на проблеме пределов допустимости использования формального аппарата для построения интерпретационной модели. По сути, это вопрос о степени абстрактности философского знания: можем ли мы сказать, что философия является такой же чистой наукой, как математика? Уотсон признает огромный вклад сторонников формального подхода, но полагает, что его вряд ли достаточно. «Можно, конечно, извлекать и понимать синтаксические структуры, и изучение этих абстрактных форм помогает понять философию. Но структуры сами по себе не являются философией, поскольку они не вовлекают человеческие существа в попытки познать мир, в котором те живут» [Там же, с. 49]. Почему все же важно обращаться к структуре исследуемой философской системы? Прежде всего, благодаря этому мы можем «узнать о том, как работают или не работают аргументы», становятся заметными «точки несогласованности», а также возможности «экстраполяции систем» [Там же, с. 56]. Уотсон дает полный карт-бланш тем исследователям, которые, например, создают «идеальный язык», лежащий в основе системы Мальбранша, с тем, чтобы на его основе затем выявлять недостатки этой системы. Более того, Уотсон уверен, что подобные «упражнения» не могут навредить «аккуратному отношению к истории» [Там же]. В то же время он устанавливает ограничения этому подходу: «... философы, которые считают, что осмысление формальных моделей – это единственный вид понимания, который следует называть философским, заходят слишком далеко» [Там же, с. 57]. Наиболее интересным, на наш взгляд, является раздел, посвященный описанию проблемно-ориентированной истории философии. Историки философии такого рода создают «интерпретирующие модели», которые являются скорее конструкциями (лишь отчасти основанными на тексте), нежели индукциями или абстракциями из текста. Данные модели представляют из себя скелет, на который мы можем нанизывать плоть текста. Уотсон

объясняет этот подход на примере своей книги «Закат картезианства (1673–1712)», где он строит «модель картезианства конца XVII века, которой ни один картезианец явно не придерживался, но на которой я могу показать, от чего все картезианцы зависели» [Там же, с. 58]. Интересный момент здесь состоит также в том, что эта интерпретация предполагает, что исследуемый «философ не всегда имеет в виду то, что он, по-видимому, говорит, что он не всегда полностью знает, что он говорит, или, если говорит вполне то, что он знает, то не всегда пишет непротиворечиво» [Там же, с. 59]. Таким образом, мы допускаем некоторое единство в произведениях философа, но понимаем, что возможны исключения, например, такие предложения, которые вступают в противоречие с общей системой.

Сэр Энтони Кенни (1931 г.р.) о прогрессе в философии

В статье «История философов и история философии» Э. Кенни выделяет два подхода к истории философии – условно аристотелевский и витгенштейновский. Сторонники первого верят в то, что в истории философии существуют прогресс и развитие. Во втором лагере располагаются те, кто видит в истории философии хождение по кругу. Кенни попеременно примеряет взгляды первых и вторых. Первым критерием здесь выступает принцип накопления знаний. Можем ли мы сказать, что знаем больше, чем Платон или Кант? С одной стороны, да, мы стоим на плечах великих философов, «но мы стоим выше» [Там же, с. 74]. Однако, с другой стороны, в философии следует говорить не о расширении знания или о приобретении новых истин о мире, но скорее о понимании, то есть об «организации того, что уже известно» [Там же, с. 75]. Если говорить о предмете исследования и методе, то следует признать, что у философии нет конкретного предмета, но есть характерные методы. При этом существенных изменений в методике философского изыскания не произошло, полагает наш автор. «Что отличает нас от других наследников великих греков и что дает нам право пользоваться их именем, так это то, что в отличие от физиков, астрономов, медиков и лингвистов мы, философы, преследуем цели Платона и Аристотеля теми же методами, которые уже были доступны им. Вот почему история так тесно связана с философией и вот почему философия так важна для историка философии» [Там же, с. 76]. И все же Кенни склоняется к мысли, что прогресс в философии существует. Онтологический аргумент, изобретенный Ансельмом, отброшенный Фомой Аквинским, принятый Декартом, вновь опровергнутый Кантом, снова восстановленный Гегелем, может служить аргументом как в пользу прогресса в философии, так и против. Но есть примеры, свидетельствующие о движении вперед безусловным образом. Так, предложенное Платоном различение экзистенциального и предикативного значений глагола «быть» стало решением философской проблемы. Другим маркером развития служит прояснение языка через введение разных значений слов. К примеру, после проведения различия «между свободой безразличия (способностью поступать иначе) и свободой непосредственности (способностью делать то, что вы хотите)» [Там же, с. 79] любые дискуссии о свободе воли должны вестись с учетом этого различия.

Ив Шарль Зарка (1950 г.р.) и его критика идеологии контекста

В своей статье «Идеология контекста: использование контекста и насилие над ним в историографии философии» И. Ш. Зарка пытается предостеречь историка философии от злоупотребления контекстом в историографии философии. Как и многие, он считает, что «использование контекста является необходимым, и даже, с определенной точки зрения, незаменимым при написании истории философии» [Там же, с. 89]. Однако, по его мнению, существует некий порог, переходя который, мы начинаем злоупотреблять контекстом, что в итоге может привести к его идеологизации.

Хотя использование контекста является необходимым и законным, следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, контекст никогда не бывает простым. Во-вторых, контекст всегда следует реконструировать. Он никогда не дан. «Другими словами, контекст не проще, чем текст. Точно так же, если текст должен быть интерпретирован, то контекст должен быть реконструирован» [Там же, с. 91]. Эти две процедуры взаимозависимы: текст требуется для реконструкции контекста и наоборот. Злоупотребление контекстом начинается тогда, когда мы сводим все измерения философского текста к тому контексту, в котором он был создан. Но дело в том, что философия по своей природе не может быть ограничена историческим моментом. «Смысл философии не может быть настолько просто привязан ко времени, в котором она появилась» [Там же].

Рассуждая о соотношении философии и ее истории, Зарка отмечает, что специфика философии такова, что она не теряет своего философского характера, когда становится объектом исторического изучения. Собственно, история философии и возможна по той причине, что философия прошлого имеет вневременное, внеконтекстуальное значение. В качестве положительной программы Зарка предлагает выделить три регистра или режима работы с историко-философским материалом. Эти регистры призваны учесть тот факт, что философия, с одной стороны, обладает историчностью, что укореняет ее в определенном контексте, а с другой стороны, она имеет свой философский смысл, который не сводится к контексту, но может быть рассмотрен вновь и вновь в новых контекстах. Иначе говоря, если нам удастся соблюсти и историческую точность, и философскую спекуляцию, то мы получим *философскую историографию философии*, которая отличается от истории идей тем, что «предполагает возобновление соответствующей философской проблемы (или проблем). Для этой цели недостаточно обнажить структуру аргументации или систему идей. Нужно воспроизвести те операции, которые создали специфическую конфигурацию знания на онто-гносеологическом, этико-политическом и других уровнях» [Там же, с. 100].

Итак, чтобы историография стала философской, необходимо вести исследование в трех регистрах: «артикуляция (восстановление исторических условий, в которых текст был создан); проговаривание (сам текст); и объект артикуляции (то, что дано, чтобы мыслиться в том, что сказано или написано). В первом регистре контекст используется законно; во втором

имеется лингвистический и понятийный аппарат, который следует прояснять; в третьем имеется вопрос смещения фокуса с текста или речи как объекта исторического обсуждения к (философскому) объекту текста или речи» [Там же, с. 100]. С помощью этого многокомпонентного решения Зарка пытается сохранить баланс между историческим контекстом и вневременным философским смыслом текста.

Аласдер Чалмерз Макинтайр (1929 г.р.) о несоизмеримости теорий

В следующем разделе рецензируемой книги представлена статья А. Макинтайра «Отношение философа к своему прошлому», в которой автор ставит амбициозную задачу по устранению дилеммы, состоящей в жесткой дизъюнкции: либо мы делаем философов прошлого частью современной философии, либо превращаем их в набор музейных экспонатов. Как полагает автор, причина этой дилеммы кроется в различных путях отделения и дистанцирования современности от прошлых этапов истории философии. Во-первых, произошли изменения в академическом разделении труда. Сейчас философия отличается от науки, раньше это различие не было столь очевидным. «У Юма были амбиции стать Ньютоном моральных наук, а Декарт считал, что отношение его метафизики к физике сродни отношению ствола к ветвям одного дерева» [Там же, с. 111]. Во-вторых, произошло изменение определения первоочередных вопросов, выбора лучшей методологии и прочих подобных вещей. В связи с этим «то, что является или кажется одним и тем же или очень похожим аргументом, встречающимся в двух различных философских эпохах, может иметь очень различное значение. Августинское употребление *cogito* – это вовсе не то же, что Декартовское употребление» [Там же, с. 112]. В-третьих, из эпохи в эпоху происходит смена литературных жанров, что приводит к концептуальным изменениям, затрудняющим перевод понятий из одного контекста в другой. Хотя это не значит, что прошлое с неизбежностью недоступно нам здесь и сейчас, автор показывает на нескольких примерах, что в истории философии бывают периоды, которые настолько непохожи друг на друга, что представители более позднего из них не способны адекватно понять идеи из более раннего периода. Следуя за Куном, Макинтайр пытается понять эту проблему по аналогии с проблемой несоизмеримости двух конкурирующих корпусов теорий. Если существуют два конкурирующих, но несоизмеримых корпуса теорий, то для выбора более успешного необходимо посмотреть, какой из этих корпусов объясняет успехи и неудачи своего конкурента наилучшим образом. «Одну крупномасштабную теорию – скажем, ньютоновскую механику – можно считать решительно превосходящей другую – скажем, механику средневековой теории импульсов, если и только если первый корпус теорий позволяет нам дать адекватное и по самым лучшим стандартам истинное объяснение того, почему последний корпус теорий одновременно наслаждался успехами и победами, которые он совершил, и терпел поражения и разочарования, которые он также совершил» [Там же, с. 128]. Важно отметить, что превосходство одного корпуса теорий над другим состоит не только

в самой способности объяснить суть и логику проблемных моментов и их решений, но также в способности привести *историческое* объяснение для этого. Даже в естественных науках, которые, казалось бы, так далеки от истории, историческое объяснение также имеет место: «высшей теорией в естествознании является та, которая дает основания для определенного рода исторического объяснения, которая придает историческому нарративу понятность, без которой оно не могло бы ею обладать» [Там же, с. 130]. Не меньшее значение история имеет и для философии, поскольку здесь мы тоже имеем дело с конкурирующими крупномасштабными точками зрения, где разногласия столь разительны, что исключают возможность обнаружения общего критерия для разрешения противостояния. Благодаря истории мы выстраиваем такой нарратив, который позволяет увидеть превосходство одной философской точки зрения над другой. Это превосходство обеспечивается тем, что лидирующая теория понимает и объясняет неудачи своих конкурентов лучше, чем они могли бы это сделать сами.

Джон Йолтон (1921–2005) об уважении к авторскому тексту

В статье «Существует ли история философии? Некоторые затруднения и их решения» Дж. Йолтон поднимает уже известную нам проблему исторического контекста. По сути, он призывает примерно к тому же, что и М. Фреде – к внимательному и всестороннему изучению контекста через включение в него различных аспектов: как философских, так и нефилософских (прежде всего научного и религиозного). Йолтон начинает свою статью с тезиса о неоднозначности понятий «философия» и «история философии», который демонстрируется на широком текстологическом материале. Эта неоднозначность связана, прежде всего, с тем, что мы сейчас назвали бы междисциплинарностью, поэтому «понимание этих авторов не может быть успешным, если мы подходим к ним с узко дисциплинарной точки зрения» [Там же, с. 144]. В той мере, в какой мы имеем дело с междисциплинарным текстом, нам необходимо расширить свое поле зрения, включив туда не только философские аспекты взглядов автора прошлого. «Если мы заинтересованы в том, чтобы понять, что Локк говорит о познании или верах, мы должны быть внимательны к его взглядам на религиозную веру, к его предположениям о природе материи, к его отрицанию класса реальных предметов, к цепи бытия» [Там же, с. 144]. В противном случае мы можем отринуть проблемы, которые нам показались не относящимися к философии, но которые именно таковыми и являются. Внимательное чтение текста может застраховать нас от этой ошибки. Йолтон дает некоторые рекомендации по технике чтения текстов: от знакомства с титульным листом и составления словаря с отслеживанием частотности употребления фраз до чтения текстов, написанных в тот же исторический период, что и изучаемая рукопись. Важность аккуратного, глубокого и всеохватного чтения философского текста демонстрируется Йолтоном на примере трех устоявшихся интерпретаций известных философов (Декарт, Юм, Беркли), в текстах которых обнаруживаются пассажи, противоречащие этим уже стандартным интерпретациям.

Например, мы все солидарны относительно того, что, согласно Юму, человек есть пучок восприятий, но в «Трактате» Юм несколько раз говорит о том, что каждый из нас глубоко осознает свое «я», что мы имеем некоторое впечатление о «я», о нашей собственной личности. Заканчивая свою статью наставительным пассажем об уважении к авторскому тексту, Йолтон увлекает читателя в лабиринт контекстов посулами обнаружить неведомые вещи: например, прообраз перформативов у авторов XVIII в.

Гэри Хэтфилд (1951 г.р.) о том, чем история философии может быть полезна

В статье «История философии как философия» Хэтфилд показывает способы использования философии прошлого современной философией, доказывает ценность контекстно-ориентированного подхода к изучению философии прошлого, демонстрирует границы неконтекстуальной истории, рассматривает способы, с помощью которых история философии может стать философски более глубокой, став более исторической. Выделяя в историографии философии исторически ориентированную философскую методологию, Хэтфилд понимает под ней «серьезное отношение к прошлым текстам на их собственном уровне, стремление понять проблемы и проекты философии прошлого такими, какими они были, вместо того, чтобы искать только чтение, которое решает текущую философскую проблему» [Там же, с. 179]. Крайней формой этой методологии является историцистский подход, отрицающий способность философии прошлых эпох выходить за пределы своего времени. Если оставить его в стороне и сосредоточиться на более умеренных, исторически ориентированных подходах, то можно обнаружить следующие выгоды, которые они могут принести современной философии. Во-первых, эти подходы дают нам «подлинное понимание значимых позиций, которые составляют основу современных дискуссий» [Там же, с. 181]. Благодаря такому пониманию мы имеем возможность спросить себя, что и почему изменилось в ходе исторического развития той или иной философской позиции. Во-вторых, исторически ориентированные исследования позволяют нам выявить и по-новому взглянуть на глубоко укоренившиеся верования.

Заключительный абзац этой последней главы рецензируемой книги до некоторой степени может расцениваться как резюме всей книги, поэтому позволим привести его без сокращений. «Большинство философов допускают, что философские тексты прошлого требуют от своих интерпретаторов философских навыков. Многие могут допускать, что предстоит проделать большую работу по интерпретации философии прошлого и осмыслению ее истории. Однако на протяжении XX века философы спорили о том, действительно ли исторически ориентированные интерпретации имеют свою собственную философскую ценность. Я бы сказал, что такие интерпретации необходимы для здоровья продолжающейся философии. Философия без истории, возможно, не будет полностью слепой, но она, вероятно, будет чрезвычайно близорукой, неуклюжей в своих попытках сориентироваться в собственном эволюционирующем проблемном пространстве. Чтобы философия обрела свое собственное направление, не обязательно, чтобы каждый философ стал историком. Но каждому из нас, возможно, придется опираться на работы наших

исторически ориентированных коллег. Поэтому для историков философии тем более желательно делать все возможное, чтобы интерес и результаты их работы были легко доступны другим философам» [Там же, с. 211].

Заключение

Ознакомившись с содержанием рецензируемого сборника, мы можем заключить, что любая из вошедших в него статей может стать для историка философии источником вдохновения и стремления обновить свой методологический инструментарий. Некоторые советы кажутся банальными (например, рекомендация Дж. Йолтона читать *весь* корпус текстов исследуемого философа, а также работы его современников), однако краткий критический взгляд на себя отрезвляет и заставляет с горечью заметить, что даже таким базовым правилам мы далеко не всегда следуем. Если же перейти от простых вещей к сути некоторых концепций, представленных в сборнике, то становится очевидным, насколько нужно быть высоким профессионалом, чтобы реализовывать исследования с применением такого рода методологии. Конструирование интерпретирующих моделей Р. Уотсона, которые представляют собой скелет, лишь отдаленно отражающий реконструируемое учение, но позволяющий показать от чего зависели все части этого учения – кажется весьма нетривиальной задачей. Впечатляет и виртуозное решение А. Макинтайра проблемы несоизмеримых теорий. Предлагая историческое объяснение в качестве универсального критерия, позволяющего выстроить осмысленный нарратив, который не просто расставляет теории в хронологическом порядке, но делает возможным их оценку и градацию по степени успешности, Макинтайр тем самым одновременно накладывает на историю огромные обязательства и возвышает ее до невиданных доселе высот.

Что касается проблемы допустимости погружения в исторический контекст, то, естественно, эта проблема имеет большую важность, но решать так, как предлагают некоторые из авторов сборника, представляется и банальным, и, возможно, даже непродуктивным. Складывается впечатление, что методологи истории философии не способны посмотреть на свой предмет под новым углом зрения, скатываясь всякий раз к вопросу о степени расширения контекста. Ирония в том, что историки философии как раз таки способны на продуцирование все новых и новых точек зрения на философию прошлого (как остроумно сказано в предисловии к сборнику, историки философии постоянно запускают «реплики» в прошлое, где они вынуждены сосуществовать со своим оригиналом). В конечном итоге вопрос контекста – это вопрос об условиях понимания, что нам сделать, чтобы действительно *понять* философа прошлой эпохи? С моей точки зрения, понимание отсылает не к условиям, в которых был создан текст и даже не к способностям или особенностям субъекта понимания, а скорее к акту коммуникации. Давайте попробуем рассмотреть историю философии через метафору коммуникации. И. Ш. Зарка вслед за Лео Штраусом говорит, что мы должны понимать «автора так, как тот сам понимал себя, и не лучше, чем тот понимал себя» [Там же, с. 91]. С другой стороны, существует мнение, что допустимо и необходимо достраивать теорию и аргументацию философа прошлого, оснащая его инструментарием современной философии. Как решить эту дилемму? Попробуем посмотреть на это с точки

зрения коммуникативного «подхода» к историко-философскому исследованию. Вступая в повседневную коммуникацию, мы также пытаемся понять своего собеседника, при этом, зачастую не владея полным знанием о его намерениях и убеждениях, достраивая или примысливая некоторые из них, чтобы хоть как-то вести диалог. В ходе более продолжительного общения мы все больше узнаем о своем визави, и нам становится проще его понимать. Однако это не значит, что приписывание убеждений другому на этом прекращается, оно приобретает характер благопожелания с целью корректировки образа мыслей и поведения. Например, мы можем сказать: «Мне бы хотелось, чтобы ты был(а) чуть более внимательным(ой)». Интерпретационную работу с текстом можно понять через эту аналогию. Сначала мы выходим за рамки самого текста для того, чтобы лучше понять мысль автора, затем – для того, чтобы помочь автору стать более современным.

Возвращаясь к рецензируемой работе, хочется в конце привести одну отрезвляющую мысль А. Макинтайра: «те философы, которые сейчас относятся с пренебрежением к истории философии с неизбежностью тоже станут частью истории философии» [Там же, с. 123]. Единственный шанс пребывать в этом пространстве не в качестве восковой фигуры, а в статусе интеллектуально живой единицы – это уже сейчас признать, что история философии является серьезным предприятием, которое может приносить философские плоды.

Список литературы / References

Философия и ее история. Дискуссии: учебное пособие. (2021). Составление, вводная статья, перевод и комментарии М. Н. Вольф. Новосибирск. 239 с.

Volf, M. N. (ed., introd., transl., comment.). (2021). *Philosophy and Its History. Discussions.* Textbook. Novosibirsk. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Санжениаков Александр Афанасьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.10.2021

После доработки: 27.10.2021

Принята к публикации: 01.11.2021

Sanzhenakov Alexander – Candidate of Philosophy, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: sanzhenakov@gmail.com

The paper was submitted: 15.10.2021

Received after reworking: 27.10.2021

Accepted for publication: 01.11.2021